

Вадим Халупович. Презентация третьей книги Евгении Босиной:

Мы начнем наш праздник. Я хочу сказать несколько слов.

У нас, как я уже говорил, праздник сегодня: десятилетие творческой деятельности – поэта Евгении Босиной.

Десять лет тому назад я держал в руках рукопись, которой был год от роду.

Знакомясь со стихами, с радостью я отличал естественность и свободу выражения мысли. И вдруг я наткнулся на стихи:

Я искала себя у озерной воды:

Мне казалось, что там я видала следы

Чьих-то маленьких ног – детских ножек босых.

Не нашла я следов ни своих, ни чужих.

Полетала потом над осенней тайгой,

Над кедровой, сосновой, грибной, золотой.

Первый снег закружил, заметалась пурга...

Но и здесь меня нет – всё тайга да тайга.

Я искала себя в залах библиотек,

У любимых друзей, с кем не виделась век,

Я искала себя и в дому, и в саду,

Понимая при том: не найду, не найду –

Ни у тёмной реки, ни за светлой горой,

Ни на грешной земле, ни под ясной звездой.

Отметьте: «... над осенней тайгой, над кедровой, сосновой, грибной, золотой».

Это уже перечисления... Меня повернуло...

Я перелистнул страницы: может, это случайность – эти большие строки. Но опять:

Лечитесь яблоневым садом,

Пока ещё он не отцвел,

Далёким эхом, листопадом,

Шуршаньем волн, жужжаньем пчёл...

И мне почудились слова ушедшей одной моей хорошей знакомой:

«Я снова не ваша, не ваша, не ваша на тысячу лет».

Я понял, какая случилась радость в наших пенатах – явление большого поэта, поэта без ограничений.

А на нас уже наплывала вторая книга, где ...

В закатном пламени над морем,
Где страсть, и нежность, и тоска,
Досель невидимым узором
Располагались облака.

Отмечайте: «располагались облака». И сразу вся картина встала.

Куда влечёт нас через тьмы кромешность,
Куда идём пресветлым тихим днем,
Зачем свою случайность и нездешность
Мы, словно знамя тайное, несём...

Тайное знамя поэзии...

А лирическая мощь стихов от книги к книге росла, и Евгения в третьей книге уже не устаёт задавать себе вопросы:

Как передать холодным тем словам
Течение вод, земли тепло и сырость?
Трещит одежкой ветхою по швам
Душа, когда-то сшитая навыворот.

И завершая третью книгу, автор не зря говорит великие слова:

Ночь напролёт принимали поэта
В тайное общество вечно живых.

Такого говорения до сих пор мы не знали. Среди нас его не было. А это говорение останется навсегда, потому что я уверен, что, наверное, уже под четвертую книгу идет.

При всем том, что это большие слова большого поэта, она остается нашим товарищем. И мы рады этому. И «коль акавод»* ей!

**) Коль акавод (ивр.) – похвала: «отлично, со всем уважением».*